

национализма к марксизму; другое — переходом буржуазных и части мелкобуржуазных сил от антиимпериалистического национализма к буржуазному национализму и сотрудничеству с империализмом на общеклассовой основе борьбы против рабочего и коммунистического движения. В реальной жизни можно видеть переплетение и борьбу этих двух тенденций. Всей своей деятельностью марксисты стремятся обеспечить победу революционно-демократической тенденции в национально-освободительном движении. Они ведут последовательную борьбу как против недооценки, так и против переоценки роли национальных факторов в революционном движении. Они проводят принципиальное различие между национальными интересами и националистической идеологией и политикой. Проявления национализма в коммунистическом движении рассматриваются марксистами как ничем не оправданный отход от принципов пролетарского интернационализма.

Г. УСОВ,

кандидат экономических наук

Становление независимого Алжира

ЖЕРАР Шальян и Жюльет Мэнс — авторы книги «Независимый Алжир. (Итог национальной революции)», вышедшей в Париже, принадлежат к числу тех прогрессивных современных исследователей Алжира, которые всесторонне рассматривают достижения революционно-демократического режима. Авторы проявляют озабоченность перспективами развития Алжира, трудностями, возникающими в молодом независимом государстве при решении острых политических и экономических проблем в интересах широких народных масс. Именно в этом аспекте рассматриваются такие вопросы, как социалистический выбор и самоуправление, экономика и алжирское общество, государственное строительство после 1965 года, политическая консолидация, индустриализация, сельское хозяйство, занятость и кадры.

Авторы прослеживают основные этапы национально-освободительного движения Алжира до провозглашения независимости и констатируют почти полное господство европейцев в администрации накануне освободительной войны — один из итогов многолетней колонизации страны французским империализмом.

Gérard Challaud et Juliette Minces. L'Algérie indépendante (Bilan d'une révolution nationale), Paris, Maspero, 1972, 175 p.

Авторы подчеркивают, что важным завоеванием алжирской революции явились мартовские декреты 1963 года, которые помогли значительно упрочить национальный режим. Произошел быстрый рост самоуправляемого сельскохозяйственного сектора.

Интересные наблюдения сделали авторы, обратившись к социально-классовой структуре алжирского общества в постколониальный период. Так, на 1 января 1964 года алжирское население составляло 10,5 миллиона человек. Примерно треть населения Алжира — горожане. Авторы приводят данные, характеризующие социальную структуру сельского и городского населения, анализируют процесс формирования новой элиты и бюрократии.

Шальян и Мэнс указывают на крайне слабые позиции представителей левого крыла алжирского национально-освободительного движения в госаппарате. Основная масса чиновников мелкобуржуазного происхождения склонялась с определенными колебаниями к созданию сильного государственного сектора и системы государственного капитализма. После массового отъезда европейцев правительство начало интенсивно привлекать в госаппарат алжирцев, ранее входивших во французскую колониальную администрацию (этот процесс протекал без должного политического контроля со стороны ФНО), а также иностранных специалистов в рамках культурно-технического сотрудничества.

Согласно приведенным в книге официальным источникам, административные кадры в первые годы независимости распределялись по следующим категориям: французский персонал в рамках сотрудничества — 13 729 человек, алжирские кадры, прошедшие службу в колониальном аппарате, — 22 182 человека, кадры ФНО — 34 097 человек. Причем первые две категории не только преобладали численно, но и занимали ключевые позиции в высшем звене административного аппарата, оказывая негативное воздействие на общий процесс национально-демократического развития страны.

Авторами проведен анализ внутриполитической борьбы в Алжире после завоевания независимости. Правда, исследователи несколько увлекаются рассмотрением роли отдельных личностей. Престиж личной власти, бесспорно, важный фактор. Однако доминирующую роль играли стоявшие за этими личностями и учреждениями различные социальные слои. Так, например, правое крыло ФНО, вопреки интересам широких масс трудящихся, стремилось реорганизовать партию на базе традиционных социальных сил — зажиточного крестьянства, мелкой и

средней буржуазии, верхушки средних слоев, подчинить деятельность правительства более консервативным силам. На этой основе обострилась борьба за выбор пути социально-политического и экономического развития страны.

Обращаясь к политическому перевороту в июне 1965 года в Алжире, авторы отмечают, что армия в тот период отражала интересы в основном неэксплуататорских слоев населения страны. Шальян и Мэнс анализируют основные причины успеха относительно быстрого и неожиданного переворота. Серьезные трудности, просчеты и неудачи в экономике, чрезмерное увлечение политикой в ущерб хозяйственному и культурному строительству, саботаж буржуазии, элиты и бюрократии, безработица и низкий жизненный уровень трудящихся, непоследовательность руководства ФНО во внутренней политике, особенно когда речь шла об опоре на широкие народные массы и передовые революционные силы, нерешительность профсоюзного руководства, автократические тенденции в осуществлении президентской власти — это те факторы, которые объективно способствовали июньскому перевороту 1965 года в Алжире.

Авторы отмечают определенные успехи правительства Бумедьена в политике индустриализации и национального накопления, в укреплении экономической независимости в результате проведения антиимпериалистического курса. Значительный прогресс достигнут в «алжиризации» кадров: к 1967 году французский персонал в административном аппарате страны сократился по сравнению с началом 50-х годов примерно в 39 раз.

Книга представляет несомненный интерес для исследователей-востоковедов, специалистов-международников. В ней сжато охарактеризованы основные этапы истории современного Алжира, важнейшие проблемы его развития. В работе содержатся ценные цифровые данные, основанные на официальных источниках.

А. КУПРИН

Крушение индийских экстремистов

СОТРУДНИК Делийского института конституционных и парламентских исследований Дж. К. Джохари в своей работе «Политика наксалитов в Индии» рассматривает деятельность ультралевых элементов в Ин-

J. C. Johari. Naxalite Politics in India, New Delhi, Research Publications, 1972, 188 pp.

дии, оказавшихся в плену демагогической фразеологии Пекина.

В отличие от других исследователей, уже затрагивавших проблемы индийского наксализма, Джохари, прежде всего, стремится использовать новые или мало известные документы. Он обработал и проанализировал богатый фактический материал: протоколы, резолюции и другие документы различных экстремистских организаций, речи и высказывания таких лидеров, как Чару Мазумдара, Кану Саньяла, публикации основного печатного органа наксалитов — журнала «Либерейшн», а также индийской прессы.

Работа посвящена исключительно важному периоду в политическом развитии Индии, когда ряд факторов, как объективных, так и субъективных создали определенную почву для распространения теории и практики маоизма в этой стране.

Сложную внутривнутриполитическую обстановку в Индии в 60-е годы пекинское руководство использовало для активизации своей подрывной деятельности против индийского правительства, чья прогрессивная внешняя политика являлась серьезным препятствием на пути установления Пекином своей безраздельной гегемонии в афро-азиатском мире. Оно стало непосредственно вмешиваться во внутренние дела Индии. Пекинские маоисты поощряли шовинистические, буржуазно-националистические силы, сепаратистские устремления вождей племен мизо и нага, открыто нападали на внешнюю и внутреннюю политику правительства, вмешивались в дела Коммунистической партии, а также провоцировали вооруженные конфликты на совместных границах.

Провокационная деятельность Пекина тяжело отразилась на коммунистическом движении в Индии.

В 1964 году произошел раскол КПИ. В созданной раскольниками Параллельной компартии сформировалось крыло наиболее рьяных приверженцев идей Мао Цзэ-дуна. Руководствуясь ошибочными положениями маоистской платформы о существовании постоянной революционной ситуации в азиатских странах, о вооруженной борьбе как единственной форме захвата политической власти, они стали добиваться проведения партией воинственного курса, нацеленного на организацию вооруженного восстания, отвергающего любые формы парламентской борьбы.

Эти ультралевые элементы использовали в 1967 году движение сельскохозяйственных рабочих и безземельных крестьян за землю в районе местечка Наксалбари в штате Западная Бенгалия, придав этому движению характер вооруженной борьбы. Позднее название Наксалбари стало синонимом вооруженных

выступлений экстремистов и в других штатах страны — Андхра-Прадеш, Ориссе, Бихаре, Керале, а участники этих выступлений стали называть наксалитами.

Автор книги, к сожалению, лишь вскользь касается этой столь важной предыстории индийского наксализма, сосредоточивая основное внимание на событиях 1967 года и последующем развитии этого движения.

На конкретных фактах он показывает, что экстремисты в рядах Параллельной компартии готовились к вооруженной борьбе в штате Западная Бенгалия задолго до того, как в марте 1967 года там было сформировано коалиционное правительство. Уже в конце 1966 года специально созданные ими в сельской местности крестьянские комитеты собрали большое количество оружия, а их члены прошли обучение маоистским методам ведения партизанской войны.

Джохари пишет, что наксалиты в действительности стремились не к облегчению положения крестьян, а хотели использовать их недовольство в своих интересах. «Наксализм, — подчеркивает Джохари, — это политическое движение, ставящее своей целью захват государственной власти».

На основе глубокого анализа документов ультралевых организаций он убедительно показывает, что теоретический фундамент индийского наксализма лежит в идеях маоизма. «Переосмысление принципов марксизма-ленинизма, — делает вывод Джохари, — в свете конкретных индийских условий и их воплощение по китайскому образцу является отличительным признаком этого ультрареволюционного течения».

Заверения в преданности идеям Мао стали среди наксалитов чуть ли не главным мерилем подлинной революционности. Так, в одной из наксалитских резолюций прямо указывалось, что «отказ признать учение Мао Цзэ-дуна в наши дни равносителен отказу от марксизма-ленинизма».

Не случайно весь набор маоистских концепций, начиная с теории «народной войны» и кончая нападками на КПСС, Советский Союз, страны социалистического содружества, перекочевал и в политический багаж созданной наксалитами в 1969 году так называемой Коммунистической партии Индии (марксистов-ленинцев).

Основной силой революции наксалиты считали крестьянство. Они слепо следовали маоистским догмам, которые выдавались Пекином за «классический маоизм» или применение общих принципов марксизма-ленинизма к национальным условиям. «Аграрная революция, осуществляемая безземельными крестьянами и отсталыми местными племенами с использованием тактики партизан-

ской войны, являлась, по мысли наксалитов, единственным путем к захвату власти и установлению тоталитарного режима по китайскому образцу», — подчеркивает Джохари.

Джохари далее показывает в своем исследовании, что индийский наксализм не был монолитным течением. В его руководстве, как он отмечает, отсутствовала единая точка зрения в вопросах тактики, а теоретические взгляды были весьма противоречивы. Наксалиты Бихара, Джамму и Кашмира выступили против линии Чару Мазумдара, абсолютизировавшего вооруженную борьбу и тактику индивидуального террора, лидеры наксалитов в штате Андхра-Прадеш считали необходимым проводить работу в профсоюзных, крестьянских и других массовых организациях, допускали участие наксалитов в деятельности буржуазных парламентских институтов.

Уже вскоре после провозглашения КПИ (м-л) в ее рядах оформилась сильная оппозиция. Была даже создана, по словам Джохари, параллельная организация под названием «Региональный комитет КПИ (м-л) Западной Бенгалии, Бихара и Ориссы». Фракционная борьба привела к расколу ряда штатовских партийных организаций на мелкие самостоятельные группировки и исключению в 1971 году из рядов партии ее основателя и председателя Чару Мазумдара. На его место был избран Ашим Чаттерджи. Как показывает Джохари, эта замена произошла не без вмешательства пекинского руководства, которое помогло убрать со сцены архилевацкого лидера в тот момент, когда само начало круто менять внешнеполитический курс, переходя от нападок на империализм к заигрыванию с США.

Джохари убедительно демонстрирует, как слепое выполнение авантюристических установок маоистов привело индийских наксалитов к политическому фиаско. Народ разочаровался в наксалитах, увидев в их действиях лишь акты вандализма и бандитизма.

К 1972 году большинство наксалитов или погибло в стычках с правительственными войсками, или оказалось за решетками тюрем, а оставшиеся на свободе продолжали свою деятельность в полной изоляции от народа.

Крах наксализма обусловила и новая политическая ситуация, сложившаяся в стране после раскола в 1969 году правящей партии ИНК. Выход из конгрессистской организации реакционной группировки партийных боссов и их сторонников явился крупным поражением индийской реакции, позволил премьер-министру Индире Ганди провозгласить программу коренных социально-экономических преобразований в стране.